

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

Чингиз Абдуллаев

— Это не ковбойский фильм, — нахмурился Тарасов. — Они могут убить тебя из снайперской винтовки, не подходя к тебе близко.

— У них другая специализация, — возразил Эльдар, — они не будут стрелять в меня из винтовки. Им нужно сделать контрольный в голову. Поэтому я убежден, что они вернуться. И я хочу с ними встретиться...

ЭКСМО

Распад После заката

Распад

Чингиз Абдуллаев

После заката

«PEN-клуб»

2012

Абдуллаев Ч. А.

После заката / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб», 2012 — (Распад)

Распад СССР круто изменил жизнь всех граждан великой страны. Не обошли эти перемены и Эльдара Сафарова. После головокружительной карьеры в Администрации президента Горбачева этот талантливый юрист вынужден работать простым следователем в следственном управлении МВД. Однако жизнь продолжается, и Эльдара ожидает масса интересной работы. Одно из его новых дел – история с «чеченскими авизо». Вместе с напарником они выезжают в Грозный, где успешно выводят на чистую воду организаторов аферы. Среди них и хорошо знакомый Эльдару банкир Эпштейн. Однако дело отнюдь не закрыто. Сафаров понимает это, когда убивают его подругу Юлию...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Михаил Горбачев. Послесловие	16
Глава 3	21
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Чингиз Абдуллаев

После заката

*Я предпочитаю бичевать свою Родину, предпочитаю огорчать ее,
предпочитаю унижать ее, – только бы ее не обманывать.*
Петр Чаадаев

Глава 1

Роберта Коломенцева, бывшего сотрудника Центрального Комитета, работавшего в Административном отделе и курирующего органы госбезопасности, хоронили под вечер второго января на Ваганьковском кладбище столицы. Он покончил с собой в новогоднюю ночь, когда куранты пробили двенадцать. Коломенцев в это время был один, решив остаться на даче. Семья отправилась в город отмечать Новый год. До половины двенадцатого он отвечал на звонки супруги, обещая приехать – и все время откладывал свою поездку. Дочь и жена просили его поторопиться, чтобы он успел к Новому году. Но он упрямо твердил про севший аккумулятор и машину, которая никак не желала заводиться. В половине двенадцатого его родные наконец поняли, что он уже не успеет. Вместе с семьей брата жены они отметили Новый – тысяча девятьсот девяносто второй – год, позвонив Роберту на дачу и поочередно поздравив его. Никто ничего даже не заподозрил. Он отвечал привычно ровным, спокойным голосом. Коломенцев вообще был на редкость спокойным, выдержанным человеком.

Его близкие еще не знали, что накануне Нового года ему предложили уволиться из Управления судебных органов Министерства юстиции, куда он устроился на работу только полтора месяца назад. Новый начальник УСО посчитал, что держать у себя в управлении бывшего ответственного сотрудника Административного отдела ЦК КПСС, к тому же связанного с бывшими органами государственной безопасности, значит «компрометировать идею новой страны и той демократии, за которую они сражались в августе с тоталитарным режимом». Он так и сказал, пояснив Коломенцеву, что тот должен написать добровольное заявление о своем уходе. Роберт написал его двадцать девятого декабря, ничего не сказав родным.

В ночь на первое января он остался на даче, сознательно не приехав в город. Он писал письмо своей жене и дочери, которым объяснял, почему считает свою жизнь законченной в неполные сорок пять лет. «Клеймо бывшего партократа, к тому же лично знавшего все руководство КГБ и курирующего эту структуру, останется на мне на всю оставшуюся жизнь, – писал Коломенцев в этом письме. – Я не могу и не хочу больше вас подводить. Простите меня».

Примерно через полтора часа после начала нового года он застрелился. Его тело нашли утром, когда встревоженная супруга и ее брат приехали на дачу узнать, почему он не отвечает на телефонные звонки. Первого числа они обзванивали своих знакомых и родственников. Из бывших сослуживцев Коломенцева почти никто не приехал. Было понятно, что люди просто боятся, не хотят появляться на кладбище, где сочувствие погибшему новые власти могли истолковать как ностальгию по прежнему режиму. Поэтому на кладбище приехало человек десять бывших сотрудников. Некоторые вполголоса говорили, что в прежние времена такого человека, как Роберт Коломенцев, вполне могли похоронить на Новодевичьем кладбище – определение иерархии мест захоронения тоже было прерогативой аппарата чиновников. Пришедшие были в плохом настроении, уже сознавая, что наступившее будущее не несет им ничего хорошего.

Среди них был и Эльдар Сафаров. Он мрачно стоял у могилы бывшего сослуживца. Они никогда особенно не дружили с Коломенцевым, но Эльдар посчитал для себя неприличным не

появиться на кладбище в день его похорон. Рано стемнело, и когда над могилой наконец вырос небольшой холмик земли, лица людей уже невозможно было различить. Супруга покойного пригласила всех к себе домой на поминки, но люди под различными предлогами отказывались. Время было сложное, голодное; все отчетливо понимали, что организовать достойные поминки вдове будет трудно, а объедать женщину в такой сложный момент не хотелось. Несколько человек отправились с ней, чтобы выпить по рюмке водки и поспешить уйти, оставляя несчастную женщину с ее родственниками.

Эльдар слышал, как за его спиной вполголоса говорили, что это уже не первый и наверняка не последний из тех, кто предпочел ежедневному унижению и краху своих идеалов такой быстрый выход. Говорили, что из сотрудников бывшего ЦК уже восемь человек покончили с собой, в том числе и двое бывших управляющих, выпрыгнувших из окон своих квартир.

Было уже совсем поздно, когда приехал Журин. Он подошел к вдове, обнял ее, сказал несколько слов утешения, поцеловал дочь Коломенцева. Журин работал вместе с Эльдаром в одном кабинете, еще когда они вместе сидели в здании на Старой площади. Михаил Алексеевич подошел к Эльдару и пожал ему руку.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Сафаров. – Как ваше сердце?

– Пока мыслю и существую, – усмехнулся Журин, – ничего. Разрешили выписаться. По моему, они хотят как можно быстрее избавиться от всех «бывших». У них появились платные услуги, и больница теперь несколько меняет профиль. А бывший сотрудник партийного аппарата им совсем не нужен. Тем более я сейчас устраиваюсь рядовым юрисконсультантом на обычную фабрику, которая еще, к счастью, работает.

Эльдар понимающе кивнул.

– А как твои дела? – спросил Журин.

– Берут следователем в следственное управление Москвы, – сообщил Сафаров, – я уже был там на собеседовании. Виктор Сергеев мне помог. Да и сам Баранников меня тоже знает.

– Баранников теперь будет нашим вторым Берией, – шепнул ему Журин, – он ведь теперь объединил МВД и КГБ. Представляешь, какой монстр может получиться?

– Напрасно, – так же тихо ответил Эльдар, – у каждого ведомства свои задачи.

Церемония закончилась. Многие прощались прямо здесь. Журин вместе с Сафаровым выходили последними.

– Давай поедем со мной, – неожиданно предложил Михаил Алексеевич. – Посидим у меня, помянем Коломенцева. Он всегда был таким рассудительным и спокойным человеком; а вот видишь, и его тоже достали... Поехали?

– Вам разве можно пить? – предостерегающе заметил Эльдар.

– Можно. Врач сказал, даже нужно. Одну или две рюмки, но не больше. А я больше никогда в жизни и не пил... Поедем на автобусе; кажется, этот идет как раз в нашу сторону.

Так и сделали. Через час они уже сидели в просторной кухне Журиных, за небольшим столом. Супруга Михаила Алексеевича горестно вздохнула, увидев их вдвоем; она знала, откуда они приехали, но больше ничего не стала говорить. Быстро все приготовила на кухне – нарезала колбасу, сыр, достала малосольные огурцы и заливную рыбу. А бутылку достал сам Журин.

– Вот так и живем, – негромко произнес он, разливая водку в небольшие рюмки. – Значит, мы с тобой пока уцелели. А ты вообще молодец, успел перед самым распадом уйти в администрацию президента... Поэтому тебя и берут в следственное управление. Ты теперь не бывший партократ, а специалист из администрации союзного президента... Ну, давай за Роберта.

Они поднялись, не чокаясь выпили и снова усадились на свои места.

– Жалко Роберта, – вздохнул Журин, – и семью его тоже жалко. Хотя я понимаю Коломенцева. Ему все в лицо тыкали: бывший сотрудник партийных органов, да еще и куратор госбезопасности... Кто станет держать такого «специалиста» у себя на работе? Особенно сейчас...

Крючков все еще сидит в тюрьме. Какой парадокс судьбы, а? Всю свою жизнь отдать защите страны, а потом оказаться в тюрьме с формулировкой «изменник»... С ума можно сойти.

Он сокрушенно вздохнул, посмотрел на свою рюмку. Несмотря на вечно красноватый нос, он почти не пил – у него была больная печень, и Сафаров знал об этом. Словно услышав его мысли, Журин невесело усмехнулся:

– Даже напиться нельзя. Печень у меня пошаливает. Да и сердце не в порядке. Можно сказать, что отдал свое здоровье и жизнь партийной работе. Столько лет провел в этом аппарате... А теперь уже все. Все кончено. Наша политическая смерть зафиксирована документально. Интересно, есть ли жизнь после такой смерти? Как ты считаешь?

– Не знаю, – ответил Эльдар, – посмотрим. Я завтра выхожу на работу; поглядим, что там получится.

– Если бы все было в порядке, ты отправился бы начальником крупного управления в МВД страны или заместителем министра в свой Баку. А может, и самим министром, – предположил Журин. – А сейчас пойдешь работать следователем. Наверное, тебе тоже обидно. После работы в ЦК КПСС и в администрации президента идти на работу простым следователем...

– Я ведь раньше работал в прокуратуре. Мне не обидно – просто так получилось.

– Ты у нас фаталист, – махнул рукой Журин. – А я не такой... Скажи честно, почему ты не вернулся к себе в Баку?

– Там сейчас тоже не очень спокойно, – нахмурился Эльдар. – В Нагорном Карабахе все время стреляют... А потом, мне немного стыдно возвращаться. Ехал в Москву с такими амбициями – и получается, что не сумел здесь закрепиться. Нет, нужно все-таки попытаться...

– Давай за твое здоровье. – Журин поднял рюмку, и на этот раз они чокнулись.

– Вот такие у нас дела, – задумчиво сказал Михаил Алексеевич, – живем как в волшебном сне. Если бы кто-нибудь мне сказал, что все так закончится, я бы в жизни не поверил. Когда меня брали в аппарат – еще при Брежнев, – тогда казалось, что все это навсегда; во всяком случае, на наш век хватит. И чем все закончилось? Толпой людей, которые били у нас стекла и кричали нам обидные слова, когда мы убегали из своего здания. В прежние времена к нему даже близко подходить боялись. А здание КГБ? Если бы кто-нибудь сказал, что его будут штурмовать, а потом снесут памятник Феликсу, я бы плюнул этому человеку в глаза. Мог поставить тысячу против одного, что такого никогда в жизни не случится. Однако случилось... Теперь я уже ничему не буду удивляться. Скажут, что Бог есть, – и я, атеист с многолетним стажем, сразу поверю. Скажут, что завтра прилетят инопланетяне, – и я тоже поверю. Все развалилось к чертовой матери... – Он снова разлил водку в рюмки.

– Вам много нельзя, – предостерегающе напомнил Эльдар.

– Знаю, помню. Я много и не пью, только вид делаю... Это я за Роберта переживаю, за его жену и за его дочь. И за нас всех, дураков. Ты понимаешь, почему я так переживаю? Не из-за себя – я уже свое пересидел, меня давно нужно было оттуда гнать. И даже не из-за этой трагедии с Робертом. Я все время сижу и думаю, как такое могло случиться. Где были восемнадцать миллионов наших членов партии? Такие принципиальные, такие смелые, такие идейные... Где они все остались? Растворились в воздухе? Сразу сменили свои принципы? Все вместе, все восемнадцать миллионов? Ни один секретарь райкома не поднял знамя и не призвал своих сторонников вооружаться и защищаться до последнего. Ни один. Понимаешь, Эльдар, на такую огромную страну не нашлось ни одного принципиального коммуниста... Вот так умирают идеи. Прежде всего – идеи, а уже потом распадаются партия и страна.

– Думаю, это не совсем так, – осторожно заметил Сафаров. – Многие отождествляли Горбачева с партией, и никто не хотел выходить и защищать Горбачева и его сторонников. Поэтому все так и получилось.

– Хорошо. Пусть эта партия состояла из одних подлецов... хотя ты прекрасно знаешь, что все это было не так. Но почему тогда ни один человек не защитил свою страну? Почему молчала

наша армия? Где был наш министр обороны Шапошников, когда услышал о разделе страны? Почему ни один офицер не вспомнил о своей присяге? Неужели все и сразу сошли с ума? Можешь объяснить? Только без демагогии, что и Советский Союз они тоже отождествляли с Горбачевым. Слово-то какое ты нашел, чтобы все это оправдать...

Эльдар мрачно молчал. Спорить не хотелось. Он понимал, что Журин во многом прав. Но сегодня ему не хотелось даже думать об этом. Третью рюмку они выпили за здоровье самого Михаила Алексеевича. А потом в комнату заглянула супруга Журина, и они поняли, что пора заканчивать. Хозяин поднялся, провожая гостя до дверей.

– Удачи тебе, Эльдар, – негромко произнес он. – Надеюсь, что у тебя все будет хорошо. Ты еще молодой, тебе только тридцать два. Или уже нет... тридцать три? Хороший возраст. Если переживешь этот год, значит, пойдешь в гору. Может, еще станешь министром или большим начальником...

Он пожал Сафарову руку, а затем неожиданно обнял и расцеловал в обе щеки. То ли сказались три рюмки, то ли он просто расчувствовался.

Домой Эльдар вернулся на метро. На часах было около десяти. Он вошел в подъезд, поднялся наверх. Свою двухкомнатную квартиру Сафаров успел получить еще до общего развала. Кажется, это было его единственным и реальным достижением за год работы в Москве. Поднявшись к себе, Эльдар достал ключи, чтобы открыть дверь... и обнаружил, что дверь уже открыта. Это его насторожило. За время работы в Москве он уже успел нажить себе несколько личных врагов.

Поэтому, отойдя от двери, он прислушался. Получается, что в его квартиру забрался кто-то чужой... Дверь была заперта изнутри на задвижку. Он прислушался. Кажется, работает телевизор и передают какой-то концерт. Играет музыка. Он поднял руку и уже не раздумывая позвонил. Если это чужой или вор, он наверняка не станет включать телевизор.

За дверью раздались шаги, она открылась. На пороге стояла Юлия. Юлия Рядченко, с которой он работал некоторое время в администрации бывшего президента страны и которая перешла работать в Министерство финансов. Она уезжала на Новый год к родственникам на Украину и, видимо, вернулась только сегодня. Когда Юлия уезжала, Эльдар отдал ей вторую пару ключей. И вот сейчас она вернулась к нему...

Юлия была высокая зеленоглазая брюнетка, какие иногда встречаются в южных районах Украины, довольно высокого роста, с идеальной фигурой спортсменки. Раньше она занималась художественной гимнастикой почти на профессиональном уровне. Сейчас ей было уже двадцать семь лет, она была на шесть лет моложе Эльдара. Очевидно, женщина что-то готовила на кухне – это было понятно по запахам, которые он сразу почувствовал. Она была одета в короткий халат, который ему так нравился.

– Здравствуй, Эльдар, – улыбнулась ему Юлия.

– Здравствуй. – Он поцеловал молодую женщину, немного ошеломленный ее неожиданным появлением, и вошел в квартиру. Юлия закрыла дверь и поспешила на кухню.

– Я готовлю курицу, – сообщила она.

– Понятно. – Он вошел следом за ней на кухню. На нее было приятно смотреть. Этот короткий халатик всегда вызывал в нем большое желание. У нее были такие красивые и длинные ноги...

Он подошел ближе, обнял ее за талию, прижимаясь к ней.

– Господин Сафаров, где вы пропадаете столько времени? – улыбнувшись, спросила Юлия и чуть повернула голову.

Эльдар опустил руки и сел на стул перед небольшим столом.

– Что случилось? – спросила Юлия. – Где ты был?

– Мой бывший коллега Роберт Коломенцев покончил с собой. Застрелился. Мы с ним вместе работали в Административном отделе, – мрачно пояснил Сафаров.

– Понятно...

Юлия что-то помешала в кастрюле, затем убавила газ, закрыла крышку и снова обернулась к нему. На небольшой кухне было тесно, и она сделала два шага, чтобы оказаться перед ним. Ее коленки коснулись его колен.

– Не нужно об этом, – попросила она, – у нас все хорошо. Ты устроился на работу, и я уже работаю. Жизнь продолжается...

Он поднял руки, снова обхватив ее тонкую талию.

– Спасибо, что ты приехала.

Ему было стыдно. Он никогда не расскажет, что изменил ей с другой женщиной, которая занимала его мысли весь последний год.

– Надеюсь, что ты действительно рад, – пробормотала Юля, усаживаясь к нему на колени. – Можешь даже меня поцеловать.

Он осторожно прикоснулся губами к ее губам. Она качнула головой – такой поцелуй ей явно не понравился. Второй был гораздо лучше первого, но инициативу она взяла на себя.

– Мы будем целоваться на кухне или пойдем в спальню? – спросила Юлия. Ему так нравились чертики в ее зеленых глазах.

– А твоя курица? Она может сгореть, – улыбнулся Эльдар.

– Ничего. Я сейчас просто выключу газ, – рассмеялась она. – Или ты считаешь, что курица может нам помешать?

Курица не помешала. Они отправились в спальню, и Эльдар снова ее поцеловал. «Какие мы все, мужики, сволочи...» – еще успел подумать он.

Ремарка

Персональные пенсионеры, проживающие на территории Литвы, лишены льгот, которыми они пользовались до последнего времени. В Вильнюсе насчитывалось около девяти с половиной тысяч семей персональных пенсионеров. Они пользовались 50-процентной скидкой в оплате жилья и коммунальных услуг. Все остальные льготы, такие, как возможность лечиться в специальных поликлиниках или покупать продукты в специализированных магазинах, были отменены в Литве ранее.

Сообщение Балтфакс

Ремарка

Памятник Георгию Димитрову демонтирован в Софии. Он стоял в бывшем парке Свободы, а ныне в «Борисовой градине» (названной так по имени болгарского царя). Рабочие погрузили скульптурный портрет основателя Болгарской компартии на грузовик и увезли в неизвестном направлении. На очереди – демонтаж памятника маршалу Федору Толбухину, который установлен напротив Софийского университета и уже несколько месяцев залит красной краской.

Сообщение Интерфакс

Ремарка

Правительство Эстонии приняло решение прекратить снабжение расквартированных в Эстонии бывших советских Вооруженных сил хлебобулочными и мучными изделиями. Причиной такого решения служит то, что Россия не выполняет своих обязательств по поставкам в республику зерна и таким образом косвенно отказывается кормить своих солдат.

Сообщение РИА «Новости»

Глава 2

В Баку никто не мог понять, что с ним произошло. Мурад Керимов уехал в Москву в конце декабря девяносто первого года молодым человеком тридцати лет, а вернулся поседевшим и осунувшимся, словно постарел за несколько дней сразу на десять лет. Теперь ему никто не давал его тридцати, а многие считали, что ему уже за сорок.

Обстановка в городе была сложной. После того как под давлением оппозиции правящий режим принял решение о создании специального органа – Национального собрания, в который вошли по двадцать пять человек от властей и оппозиции, казалось, что общая ситуация должна несколько стабилизироваться. Но властные структуры в очередной раз просчитались. Если оппозиция выступала достаточно консолидированно, то остальные двадцать пять депутатов никак не могли прийти к общему мнению. Среди них нашлись откровенные перебежчики, которые сразу начали голосовать за предложения правительства, и депутаты, недовольные существующим положением дел, при котором им казалось, что их обходят в должностях и назначениях. Именно поэтому это Национальное собрание почти сразу превратилось в орган, оппозиционный президенту Муталибову. Сказалась и двусмысленная позиция премьера Гасанова, который все время мечтал стать первым лицом государства. Много раз он был почти в шаге от своей цели – и каждый раз эта цель непостижимым образом отдалялась.

После того как в сентябре прошлого года была торжественно распущена правящая Коммунистическая партия и на ее месте не было создано никаких структур, было понятно, что президент потерял свою последнюю опору. Через два месяца в Нагорном Карабахе разбился вертолет, в котором находилось почти все руководство республики, в том числе государственный секретарь, прокурор республики, советник президента, народные депутаты. Муталибов потерял своих последних союзников. Но он все еще рассчитывал на нескольких людей, которых выдвигал и назначал на самые важные, самые «денежные» должности в республике. Ему все еще казалось, что они сумеют его поддержать, не сдадут оппозиции. Ведь у них были не только должности, но еще и деньги, люди, влияние... Однако все чувствовали, что власть ускользает из его рук. Оппозиция действовала все более уверенно и открыто. После развала страны войска и внутренние органы союзных министерств уже не могли защищать существующий в Азербайджане режим.

В Нахичеванской республике Верховный Совет единогласно избрал своим спикером Гейдара Алиева, который первым в республике поднял новый трехцветный флаг. В Нагорном Карабахе продолжались почти ежедневные военные столкновения, которые становились все более и более кровопролитными. Воевали уже с применением орудий и минометов, которые выкупали у военных частей, дислоцированных на территориях обоих республик.

Было понятно, что такая патовая ситуация невозможного противостояния внутри республики – при наличии нерешенной карабахской проблемы – не может долго сохраняться. Все жили в ожидании чего-то ужасного, кошмарного, которое рано или поздно должно было произойти.

Мурад привычно приезжал на работу – но теперь уже не раньше всех, а к двенадцати часам, – запирался в своем кабинете и почти никого не принимал, благо и посетителей было уже не так много. С первого января были повышены цены на все виды товаров. Не было машин, которые раньше получали из Москвы, больше не выдавались квартиры и дачи, были отменены персональные надбавки, стипендии и зарубежные командировки.

Никто не знал и не понимал, что именно произошло в Москве. Шепотом рассказывали, что Мурад изменился так после смерти своей двоюродной сестры, которую очень любил. Никто даже не подозревал о его связи с Кариной Геворкян, которая раньше жила в Баку, училась с ним в одном классе и с которой они снова встретились в январе прошлого года. Это любовь,

которая вспыхнула между ними с новой силой, толкнула их на безумство. Мурад выбирал любую возможность, чтобы уехать в очередную командировку в Москву и встретиться с любимой женщиной. Через несколько месяцев Карина объявила ему, что ждет ребенка. Их общего ребенка. Оба понимали, насколько сложным и почти невозможным будет ее появление в Баку на фоне разгорающегося конфликта в Нагорном Карабахе. Мурад понимал это даже лучше Карины – нетерпимость в соседних республиках достигла своего апогея.

Очевидно, в какой-то момент он просто сорвался. А может, она подсознательно поняла, что их совместное существование невозможно и родившийся ребенок станет большой и большой проблемой для обоих. Поэтому, ничего не сказав Мураду, она приняла решение и сделала аборт. Он узнал об этом только через месяц, когда все уже было сделано. А потом умерла ее бабушка. В состоянии депрессии Карина приняла слишком большую дозу снотворного. А может, сознательно выпила эти таблетки, чтобы никогда больше не просыпаться... Мурад узнал об этом случайно, у соседки, которая встретила его на лестничной клетке. Вот тогда он и посидел за несколько часов. И вернулся в Баку совсем другим человеком.

Теперь, запираясь в своем кабинете, он вспоминал ее голос, улыбку, аромат ее волос, ее шутки, их споры, их совместную поездку в Прибалтику. Работать не хотелось – писать он уже просто не мог. Даже не мог себе представить, что снова сядет за письменный стол, чтобы попытаться что-либо сделать. Кажется, кто-то из поэтов сказал, что после Освенцима нельзя вообще ничего писать, вспомнил Мурад. Может быть, и он в таком же положении сегодня...

Раздался телефонный звонок. Мурад посмотрел на аппарат. Это был правительственный телефон, все еще остававшийся неизменным атрибутом секретарей писательского союза. Мурад снял трубку.

– Слушаю вас, – негромко сказал он.

– Здравствуйте, Мурад Рагимович, – услышал он взволнованный голос заведующего отделом кабинета министров. – Нам нужно с вами срочно встретиться.

– Что случилось?

– Мы хотим срочно отправить вас в составе нашей делегации в Киев на переговоры с представителями соседней республики. Там будут по три человека от Азербайджана и Армении. Встреча пройдет под эгидой американцев; они готовы оплатить дорогу, пребывание в отелях и спонсировать вашу встречу.

– Почему американцев? – не понял Керимов.

– Они разработали какой-то проект, – пояснил позвонивший. – От нас поедут трое, в число которых решено включить и вас. С одной стороны, вы секретарь Союза писателей, а с другой – были ранены в Афганистане, прошли войну... Ваша кандидатура согласована с руководством республики... Алло, вы меня слышите?

– Слышу. Когда нужно выезжать?

– Завтра. Билеты мы вам уже купили. Предупредите семью, что задержитесь в Киеве на два дня.

– У меня нет семьи, – сдержанно ответил Керимов.

– Извините, – пробормотал заведующий, – я не знал, что вы холостой.

На следующий день Мурад вместе с двумя другими членами делегации вылетел в Киев. Вместе с ним на встречу отправили бывшего мэра Баку Каракашлы и бывшего секретаря парткома крупного завода Гусейнова, который работал теперь в Комитете защиты мира. Их встретили в аэропорту и привезли в гостиницу. Уже вечером состоялась первая встреча. Руководителем армянской делегации был Феликс Мамиконян, который оказался удивительно интересным человеком – с ним можно было вести любые дискуссии.

Американцы прислали сразу пять наблюдателей, трое из которых очень неплохо говорили по-русски. Их интересовали не только отношения между двумя республиками, но и личное мнение каждого из участников переговоров. При этом все выступавшие высказывались

за мирное разрешение конфликта. Но у каждой стороны было свое видение проблемы. Азербайджанцы считали, что Нагорно-Карабахская автономная область должна самоопределяться в рамках их государства, тогда как армянская делегация настаивала на безусловном суверенитете области и создании независимого государства.

На следующий день переговоры продолжились. Один из американских экспертов рассказал, что обстановка в Грузии близка к критической. Президент Гамсахурдия находится в бункере здания Верховного Совета, который штурмуют отряды оппозиции. У всех присутствующих сразу испортилось настроение. Все понимали, что нестабильная обстановка в Грузии так или иначе будет влиять на положение в соседних республиках, и без того находившихся в сложном положении. Но если Азербайджан имел выходы на Россию и Иран через свою сеть железных дорог, то Армения автоматически оказывалась отрезанной, так как сообщение через Грузию не могло осуществляться из-за военного конфликта, а через Азербайджан не функционировало из-за постоянных обстрелов поездов с обеих сторон. При этом складывалась парадоксальная ситуация, когда грузы не могли идти в Армению через Азербайджан и дальше через Армению в Нахичеванскую республику. Оба новых суверенных государства попадали в своеобразную географическую ловушку, из которой не было выхода.

После обеда Мурад спустился вниз позвонить из телефона-автомата, установленного в холле отеля. Там уже кто-то разговаривал. По гортанным крикам и акценту сразу можно было понять, что разговаривает грузин – очевидно, с кем-то из земляков в Тбилиси. Разговор был достаточно эмоциональным.

Мурад увидел подошедшего к нему Феликса.

– Хотите позвонить в Ереван? – поинтересовался он.

– Да, – кивнул тот. – А вы, наверное, в Баку?

– Хочу узнать, как себя чувствует мама, – пояснил Мурад. – В последнее время она часто болеет... – Он немного помолчал, словно размышляя, стоит ли ему добавить вторую фразу. – Она тяжело заболела после того, как в поезде Москва – Баку погибла ее племянница, дочь ее сестры. Поезд взорвали полгода назад.

Он не сказал, кто взорвал, но Феликс его понял. Он помрачнел и тяжело вздохнул.

– Вы думаете, нам нравится то, что происходит? Это средневековое варварство, когда люди убивают друг друга только из-за принадлежности к другой нации.

– Сейчас вы скажете, что не вы начали первыми, – вспомнил свои споры с Кариной Мурад. – И еще вспомните Сумгаит.

– Я могу вспомнить еще многое, – спокойно заметил Феликс, – но не стану этого делать. Нужно думать не о том, как нагнетать страсти, а наоборот, как примирить наши два народа.

– В сегодняшних условиях это почти невозможно, – сказал Мурад.

– И вы полагаете, что противостояние неизбежно? – нахмурился Феликс.

– Я полагаю, что мы обречены на сто лет одиночества, когда все будут воевать со всеми, – мрачно ответил Керимов. – И нет никакой надежды на лучший исход этого затянувшегося конфликта.

– Вам не говорили, что вы пессимист?

– Боюсь, что стал таковым в последние годы...

Он не успел договорить. Дверца кабины телефона-автомата открылась, и оттуда вышел пожилой мужчина лет шестидесяти. Пышные черные усы, крупные черты лица. На глазах у него были слезы. Он растерянно посмотрел на стоявших перед ним мужчин. Было件нятно, что он их просто не видит. Грузин пытался что-то сказать, но не мог. Он только открывал рот, откуда вылетали непонятные звуки.

– Успокойтесь, – быстро сказал Феликс, – успокойтесь, дорогой. Идите сюда, здесь есть свободный стул.

Он бережно взял мужчину за руку, усаживая его на стул. Мурад бросился в буфет, принес бутылку газированной воды, открыл ее ударом ладони о край стола. Стаканов в буфете не осталось, и он протянул бутылку незнакомцу. Тот растерянно взял ее, но не стал пить. Посмотрел на нее, затем осторожно поставил на пол, спрятал лицо в ладони и заплакал. Громко заплакал. Это было так страшно, когда плачет пожилой, грузный мужчина шестидесяти лет...

Мурад и Феликс стояли, пораженные таким взрывом отчаяния и горя. Ни один из них не решился что-либо сказать. В таких случаях лучше молчать. Наконец мужчина опустил руки, увидел бутылку и, схватив ее, начал жадно пить. Вода стекала с усов на рубашку и пиджак, но он не обращал на это внимания. Выпив почти всю бутылку, он снова поставил ее на пол и поднял глаза. В них была такая мука, что Мурад даже вздрогнул. Было件нятно, что у этого человека не просто горе. Оно было таким страшным, таким горьким, а боль была такой разрывающей, что он даже не мог говорить.

– Успокойтесь, – снова попросил Феликс, – вам нужно прийти в себя.

– Нет, – снова заплакал мужчина. На этот раз почти беззвучно. – Ничего не выйдет, – у него дрожал подбородок, – уже ничего не поможет... Мой сын... мой Гиви...

Он не договорил, отвернулся. Ему было стыдно своих слез. Стало件нятно, что он только сейчас узнал о смерти своего сына.

– У него шок, – сказал Мурад, – нужно вызвать врача, чтобы сделал ему укол. Как можно быстрее. Я сейчас скажу, чтобы срочно вызвали «Скорую помощь». Только вы не оставляйте его одного.

Мурад бросился к дежурной, сидевшей в холле, и попытался объяснить ей ситуацию. Испуганная женщина, уже обратившая внимание на громко плачущего мужчину, согласилась вызвать врачей. Мурад вернулся к Феликсу. Грузин что-то бормотал, словно в бреду.

– Сейчас приедет «Скорая помощь», – сообщил Мурад. – Что он говорит?

– О своем погибшем сыне, – ответил Феликс.

Они еще пытались успокоить незнакомца грузина, когда приехала бригада «Скорой помощи». Несчастному сделали укол, на который он даже не среагировал. Врач подняла глаза на двоих мужчин, стоявших рядом с ним.

– Как его фамилия? – строго спросила она.

Они переглянулись.

– Не знаем, – ответил Феликс.

– Как это не знаете? – нахмурилась врач.

– Мы увидели, в каком он положении, и поэтому вызвали «Скорую помощь», – пояснил Мурад.

– Может, он вообще не наш гость, – встревожилась подошедшая дежурная.

– Это не имеет значения, – убежденно произнес Феликс, – вы же видели, в каком он состоянии.

– Как это не имеет? – удивилась дежурная. – Очень даже имеет. Может, это посторонний, зашедший позвонить к нам с улицы, а мы вызвали ему «Скорую помощь»... Я-то думала, что он живет в нашей гостинице.

Феликс не успел ничего ответить. Из кабины лифта вышло двое грузин. Они бросились к сидевшему другу и громко заговорили по-грузински.

– Вы живете в нашей гостинице? – строго поинтересовалась дежурная.

– Да, да, – закивал один из них, – не беспокойтесь. – Он наклонился к своему другу, начал быстро что-то говорить.

– У него погиб сын, – сообщил Феликс второму.

– Мы знаем, – кивнул тот, – мы целый день скрывали это от него. Но он позвонил в Тбилиси и все узнал. Какое горе для отца! Это был его единственный сын...

– Его убили в Тбилиси? – спросил Мурад.

- Да, – кивнул грузин, – у нас там идет война. Ты, наверное, сам знаешь.
– На чьей стороне воевал его сын? – почему-то уточнил Мурад.
– Какая разница? – с горечью спросил отвечавший. – Понимаешь, как мы теперь живем? Грузин убивает грузина. И нам одинаково больно, когда убивают и тех, и других... – Он еще добавил от себя несколько слов на родном языке; было понятно, что это слова проклятия.
Мурад взглянул на Феликса.
– А вы еще говорите, что я пессимист...

Ремарка

Первые дни нового года отмечены ожесточенными военными столкновениями между верной президенту Гамсахурдиа гвардией и вооруженной оппозицией. Все более активно заявляет о себе вооруженное формирование «Мхедриони» – организация, созданная два года назад как корпус спасателей и всегда занимающая резко негативное отношение к режиму нынешнего президента Грузии.

Сообщение ИТАР – ТАСС

Ремарка

Президент Звиад Гамсахурдиа покинул свой бункер и скрылся в неизвестном направлении. По поступающим из Грузии данным, за последние три дня в городе погибли более двадцати человек с обеих сторон. Оппозиция заявила, что не будет штурмовать бункер, чтобы избежать дальнейшего кровопролития, а президент Гамсахурдиа принял решение покинуть столицу, чтобы также избежать дальнейшего противостояния.

Сообщение Азеринформ

Ремарка

«Я продолжаю оставаться президентом своей страны, – заявил Звиад Гамсахурдиа. – И настоящая грузинская интеллигенция меня поддерживает. Против меня выступила только бывшая партийная, коммунистическая интеллигенция, которая ориентирована на Москву и за спиной которой всегда стояли интересы бывших коммунистических руководителей Грузии. Я не сомневаюсь, что за всеми событиями последних дней стоит лично бывший первый секретарь Компартии Грузии Эдуард Шеварднадзе».

Сообщение Постфактум

Ремарка

Исполняющий обязанности премьер-министра Грузии Тенгиз Сигуа не исключает возможность вхождения республики в Содружество Независимых Государств. По данным главы временного правительства Грузии, Звиад Гамсахурдиа готов был подписать договор и даже послать своих представителей в Алма-Ату и Минск, но этому всячески препятствовал президент России Борис Ельцин, мотивируя это тем, что в Грузии нарушаются права человека.

Сообщение РИА «Новости»

Ремарка

С начала года не стихают бои в Нагорном Карабахе. Обстреляно более четырехсот сел с обеих сторон. Погибло больше ста пятидесяти

азербайджанцев и больше ста лиц армянской национальности. Разрушено и уничтожено свыше тысячи жилых домов и государственных объектов.

Сообщение Интерфакс

Ремарка

Министерство иностранных дел Российской Федерации официально пригласило государственные делегации Азербайджана и Армении прибыть в Москву для проведения переговоров по урегулированию вопросов, связанных с ситуацией в Нагорном Карабахе. Договоренность об этом была достигнута в ходе встречи глав государств-участников СНГ в Минске президентами Б. Ельциным, А. Муталибовым и Л. Тер-Петросяном.

Сообщение ИТАР – ТАСС

Михаил Горбачев. Послесловие

Он сидел в своем кабинете, в фонде своего имени, за пустым столом. Перед ним лежал чистый лист бумаги. Сейчас в просторном кабинете никого не было, и он слушал последние новости. Диктор рассказывал о наметившемся противостоянии между Верховным Советом и российским правительством. Особо обращалось внимание на критику действий гайдаровского правительства спикером парламента Хасбулатовым и вице-президентом Руцким.

Только недавно в самом центре Москвы был открыт международный фонд социально-экономических и политических исследований, который был назван «Горбачев-фондом». И вот теперь он сидел здесь. Кажется, все как раньше. Но на самом деле, конечно, все не так. Сюда почти никто не звонит, не пытается узнать его мнение. Отсюда он не может влиять на судьбы всего мира, как это было в течение последних шести лет, когда взоры всего цивилизованного человечества были прикованы прежде всего к его действиям и высказываниям. Сразу после этого оказаться словно в вакууме – не просто тяжело. Он ведь стал генеральным секретарем уже после того, как семь лет работал секретарем ЦК КПСС, а до этого еще восемь лет был первым лицом в огромном Ставропольском крае. Он привык, что его появление электризует людей, заставляет всех собраться, прислушиваться к его мнению. Если исключить из памяти последние несколько месяцев, это было успешное и достаточно быстрое восхождение на вершину власти.

Он привык к своей роли ведущего, к роли человека, от решения и слова которого зависят миллионы людей. Если не вспоминать последние несколько месяцев... Хотя весь последний год был не самым лучшим в его жизни. Сначала события в Вильнюсе и Риге, которые осудил весь мир. Потом эта изнурительная борьба на пленумах ЦК, когда каждый раз его могли снять с должности генерального секретаря. Практически каждый пленум мог стать для него последним. При воспоминании об этом противостоянии у него всегда портилось настроение.

Как дружно они его ненавидели! Как иногда срывались, начиная оголтелую критику, готовые не просто снять его с должности, а растоптать, уничтожить, разорвать... Им казалось, что он покушается на их привилегии, на их права, на их завоеванные позиции. Среди них было мало людей, искренне верящих в прежние идеалы. И он знал это лучше других – ведь вся громоздкая структура власти еще работала, и он получал объективную информацию на каждого из своих оппонентов, на каждого из тех, кто так рьяно его ненавидел. Они тоже были далеко не ангелами.

Затем – августовские события... Он действительно считал, что, подписав Союзный договор, сумеет хотя бы таким образом сохранить уже распадающийся Советский Союз. Конечно, он знал о предложении своего ближайшего окружения о введении чрезвычайного положения и был осведомлен о том, что они все были против заключения Союзного договора. Он тоже не очень хотел его подписывать, но в тех условиях у него просто не оставалось другого выхода. Республики одна за другой готовились выходить из состава Союза. Нужно было либо вернуться к прежней тоталитарной системе, либо окончательно отпустить всех. Возвращение к старому было уже просто невозможно. Только ценой большой крови можно было снова собрать распадающуюся страну в единое целое. Отпускать республики означало стать первым и последним главой государства, при котором огромная страна начала свой распад. Он пытался маневрировать, пытался удержать их от подобных решений. Но после того как в Берлине советские танки остались в ангарах и пала Берлинская стена, все остальное было уже вопросом времени. Люди осознали, что времена изменились. Уже никто и никогда не посмеет выводить танковые колонны против собственного народа. И если попытки в Литве и в Риге закончились кровью, августовский путч уже напоминал дешевый водевиль, при котором погибли трое случайно задавленных молодых людей.

Павлов будет вспоминать, что семнадцатого августа он полчаса доказывал президенту необходимость отложить подписание Союзного договора и ввести чрезвычайное экономическое положение, чтобы спасти экономику страны от полного развала. Лукьянов даст показания, что вопросы введения чрезвычайного положения обсуждались еще в марте девяносто первого года. Шенин расскажет, что генеральный секретарь сам давал указание разработать планы возможного введения чрезвычайного положения. И это тоже было правдой. В душе Горбачев отчетливо понимал, что они правы. Но ему так не хотелось брать на себя конкретную ответственность за возможное противостояние!.. Он привык к этой византийской манере царствования, когда можно было перекладывать всю ответственность на своих подчиненных, не принимая принципиальных решений. Привык к недомолвкам, к недосказанности, уходя от персональной ответственности. Так было в Тбилиси и в Баку. Когда начались прибалтийские события и он по привычке попытался от них откrestиться, ему уже никто просто не поверил.

Он хорошо помнит, как они посмели заявиться к нему в Форос. Как его охрана, подчинявшаяся генералу Плеханову, пропустила к нему эту четверку без доклада. Больше всех ему хамил тогда генерал Варенников, даже умудрился потребовать его отставки. Более интеллигентно вели себя Бакланов и Шенин. И с ними был Валера Болдин, предательство которого особенно поразило Горбачеву. Больше всего переживала Раиса Максимовна, ведь она так привыкла доверять Болдину. Да и всех остальных она считала самыми близкими своему мужу людьми. И предательство Толи Лукьянова... Хотя все они считали, что спасают страну и самого Горбачева, но теперь уже невозможно ничего доказать. Ни им, ни другим.

Потом было публичное августовское унижение, когда Ельцин тыкал в него пальцем, приказывал читать указ и публично запрещал Коммунистическую партию. Остальные месяцы были обычной агонией, когда все понимали, что союзной власти уже просто не существует. И Беловежские соглашения, разорвавшие страну... Горбачев нахмурился. Он помнил свое последнее выступление и пустую чашку на столе. Ему казалось, что он поступает как настоящий демократ, как лауреат Нобелевской премии мира, который войдет в историю своих народов миротворцем и освободителем. Но оказалось, что таковым его считали только на Западе. В бывшем Советском Союзе его не просто не любили – его презирали и ненавидели. И даже в прибалтийских республиках, которые, казалось, должны были быть ему благодарны за свое освобождение. Не говоря уже об остальных республиках, ставших членами СНГ... Никто не обратит внимания на тот поразительный факт, что даже спустя два десятилетия после своей отставки Горбачев не сможет появляться в новых странах СНГ, которые, казалось, должны видеть в нем истинного освободителя, давшего народам независимость. Он будет ездить по миру, проводить свои юбилеи в Англии, ему поставят памятник в Германии. А в его большой стране, разделенной на пятнадцать часто враждующих друг с другом государств, он останется символом распада, всеобщего хаоса и неспособности справиться с трудностями, которые он сам успешно и породил.

Миф о том, что Горбачев мог править много лет, ничего не меняя, на самом деле действительно миф. Страна нуждалась в обновлении и модернизации на пороге нового тысячелетия. Но неумелые действия ее лидера, непродуманность реформ, его непостоянство и нерешительность, его порочный стиль руководства привели страну к распаду, изменив вектор развития цивилизации...

Горбачев еще раз подумал о непостоянстве судьбы. Сейчас он всего лишь руководитель небольшого коллектива людей. Нужно думать и о том, как заработать деньги для своего фонда. Он еще даже не предполагал, что будет участвовать в рекламах пиццы и сумок известной французской фирмы; не мог представить, что будет вынужден ездить по миру со своими лекциями, которые быстро потеряют свою цену, – ведь ничего нового и оригинального он так и не сможет сказать своей аудитории.

Поразительно, что он так ничего и не понял. Посчитав, что в России любят обиженных и отстраненных, он в девяносто шестом году решится пойти на всеобщие президентские выборы, словно пытаясь доказать своему вечному конкуренту – Борису Ельцину, что тоже может набрать большое количество голосов и вообще вернуться в политику, как когда-то сделал опальный первый секретарь Московского горкома. Но если Ельцину это действительно удалось и он ушел из города с ореолом борца против привилегий, то Горбачев остался в памяти людей нерешительным и непоследовательным политиком, при котором не просто развалилась страна, но и начались все негативные процессы, получившие такое яркое продолжение в девяностые годы прошлого века.

Он пойдет на выборы и получит свои ничтожные доли процента. В мировой истории трудно найти второй подобный факт, когда в собственной стране бывшего лидера так не уважали и не любили. Пожалуй, по своей антипопулярности с ним мог бы сравниться только Борис Ельцин в конце девяностых, когда он уже не мог адекватно работать и находился под сильным влиянием своего окружения. Но Ельцину удалось хотя бы собрать некоторую команду. У Горбачева не было даже ее. Получив ничтожные доли процента в России (не в СССР, где его показатель мог бы быть вообще смехотворно жалким), он навсегда распрощался с мыслью вернуться в большую политику.

Его политическое фиаско стало настоящей катастрофой и для его супруги. Амбициозная, умная, настойчивая, энергичная женщина, она поняла, насколько ужасным было поражение, которое он потерпел. И в августе девяносто первого, и потом в декабре, и даже в девяносто шестом, когда решился принять участие в выборах президента России. Судьба иногда так злобно и непонятно мстит людям...

На одном из съездов Советов, выступая перед народными депутатами СССР, известный писатель-фронтовик Юрий Бондарев скажет, что перестройка похожа на самолет, который сумели поднять в воздух – и теперь не знают, что с ним делать; не могут найти площадку для приземления и боятся разбить самолет, на котором они все летят. Ему возразил известный врач-офтальмолог Святослав Федоров, сказавший, что это писатель не знает, куда сядет его самолет, а они все знают, куда лететь и как им садиться. Через десять лет вертолет, на котором будет лететь знаменитый врач, разобьется, словно опровергая его предыдущие слова. Учитывая, сколько людей спас этот офтальмолог, вернув им полноценное зрение, подобная судьба кажется особенно несправедливой...

Раиса Максимовна тяжело перенесла августовские события. Она боялась, что ее мужа и всю семью могут уничтожить, чтобы удачно провести переворот. После стольких кровавых событий в разных частях бывшего СССР она боялась их повторения в Форосе. Возможно, именно тогда у нее начались те процессы, развившиеся в итоге в ужасную болезнь, которая так рано оборвала жизнь этой незаурядной женщины.

Много лет спустя Михаил Сергеевич Горбачев проведет свое восьмидесятилетие в Лондоне. Будут известные политики и звезды шоу-бизнеса, все будет по высшему разряду, но не будет благодарности соотечественников, которые не поймут, почему бывший лидер страны празднует свой день рождения в далекой стране...

Он еще раз посмотрел на лежавший перед ним чистый лист бумаги. Сейчас готовится к изданию книга о событиях августа прошлого года. Хотя они, кажется, уже никого не волнуют... Попытка спасти Советский Союз провалилась, а трое славянских лидеров в Беловежской Пуще просто сделали то, против чего выступали сидевшие теперь в тюрьме гэкачеписты, – и этим решением навсегда убрали Горбачева из мировой политики, даже не попытавшись изолировать его, как тогда, в августе девяносто первого года, пытались сделать их оппоненты.

По большому счету, Ельцин тогда спас Михаила Сергеевича. Почти наверняка Горбачеву и членам его семьи не угрожала бы физическая расправа. Но было понятно и другое. Создавшие ГКЧП высшие должностные лица страны уже не могли и не хотели терпеть Горбачева

во главе государства и партии. Победив в противостоянии с Ельциным, они наверняка пошли бы дальше и убрали бы Горбачева со всех постов. Возможно, новым генеральным секретарем мог стать Шенин, премьером – остаться Павлов, а обязанности президента мог бы исполнять Бакланов или Лукьянов. Но история не знает сослагательного наклонения. Горбачев вернулся в Москву почти триумфатором, еще не осознавая, что уже проиграл и свою партию, и свое государство, и свою должность, и свое политическое будущее.

Даже его последние назначения оказались весьма неудачными. Он отстранил Бессмертных от руководства союзным МИДом, назначив туда Панкина. За несколько недель тот умудрился проявить себя столь некомпетентным и неподготовленным к такой должности дипломатом, что его пришлось срочно менять на Шеварднадзе, который вернулся, чтобы почти сразу уйти. Генерал Шапошников, ставший маршалом, был самой большой ошибкой Горбачева. Возможно, если Михаил Сергеевич оставил во главе Министерства обороны генерала Моисеева, все могло повернуться иначе. Но он согласился с доводами Ельцина, убрав Моисеева и назначив Шапошникова. В решающий момент этот летчик просто отказался защищать страну, министром обороны которой он стал. И отказался помочь своему президенту сохранить и спасти страну, которую его предшественники защищали, не жалея своих жизней. Много лет спустя станет ясно, что Шапошников просто сдал Горбачева новой российской власти. Возможно, если бы в руководстве армии в тот момент оказался другой человек, история могла бы развиваться совсем иначе. Маршал Ахромеев или генерал Моисеев повели бы себя в такой ситуации совсем по-другому. Даже Константин Иванович Кобец, который считался верным приверженцем Ельцина, возможно, действовал бы в этих сложных условиях не так, как Шапошников. Но все получилось так, как получилось...

Шапошников интуитивно поступил правильно, поставив на российскую власть. Как офицер, он не должен был поступать подобным образом; как министр, он оказался весьма умелым политиком. А еще скандал с Бакатиным, который сдал схему прослушивания американского посольства... Получалось, что практически все последние назначения были не просто неудачными. Их можно считать абсолютно провальными, причем дважды. При воспоминании об этом Горбачев снова нахмурился, резко отодвинул от себя чистый лист бумаги и, поднявшись, прошелся по кабинету.

«Все могло получиться совсем иначе, – в который раз подумал он. – Хотя с другой стороны...»

К декабрю девяносто первого у него практически не осталось реальной власти, а российские федералы, не скрываясь, отбирали у союзных органов власти все новые и новые полномочия. Мучительный процесс развала союзных министерств и ведомств шел весь четвертый квартал, и его апогеем стали Беловежские соглашения, которые законодательно оформили факт бессилия и краха союзных властей.

Из всех назначенных в последний год людей, кажется, уцелел только Примаков, подумал Горбачев. Этот всегда очень осторожный и опытный академик сумел не только сохранить основные кадры бывшей советской разведки, но и продолжить ее успешную работу, когда Первое главное управление КГБ СССР было переименовано в Службу внешней разведки России. Можно по-разному относиться к самому Примакову, но нельзя не признавать тот факт, что он своим личным авторитетом сумел защитить тысячи бывших и действующих разведчиков, спасая само ведомство от воинствующих дилетантов и некомпетентных руководителей.

Позвонил телефон. Горбачев обернулся, подошел к аппарату, снял трубку.

– Слушаю вас, – громко сказал он. Интересно, кто это?

– Михаил Сергеевич, здравствуй, – услышал он высокий голос своей супруги. – К нам в гости приехали итальянские журналисты, которые хотели бы взять у тебя интервью. Я сказала, что могу узнать твое мнение по этому вопросу.

– Да, конечно. Я готов с ними встретиться, – не скрывая своего раздражения, пробормотал Михаил Сергеевич.

– Что-нибудь случилось? – сразу спросила она. Супруга чувствовала его настроение даже по тембру голоса.

– Пока все в порядке, – улыбнулся Горбачев, – не беспокойся.

Он положил трубку и в очередной раз посмотрел на лежавший на столе чистый лист бумаги. Затем прошел к столу, уселся на свое место, решительно взял ручку и начал быстро писать. Таким и увидел его один из помощников, вошедший в кабинет по его вызову.

Ремарка

Министр иностранных дел России Андрей Козырев назвал абсолютно правильным передачу Вадимом Бакатиным американцам конфиденциальной информации о подслушивающих устройствах в новом здании посольства США в Москве. Козырев выразил мнение, что сам факт передачи должен послужить стимулом для политики взаимного примера по прекращению практики времен «холодной войны» в отношениях между двумя странами и переходу к дружественным отношениям.

Сообщение Интерфакс

Ремарка

Бакатин совершил то, что было немыслимым в прежние времена. Он передал все схемы, установленные в новом здании американского посольства, послу Соединенных Штатов, который так и не понял, как ему реагировать на подобный «подарок». Это была либо грандиозная провокация, либо такая же грандиозная глупость, о которой русские еще пожалеют, заявил сам американский посол.

Сообщение Рейтер

Ремарка

Вышедший в отставку Михаил Горбачев становится руководителем фонда, названного его именем. Из окружения бывшего президента СССР стало известно, что Горбачев занимается в настоящее время подготовкой книги о событиях, происшедших в декабре прошлого года.

Сообщение РИА «Новости»

Глава 3

Третьего января была пятница. Но он приехал в Министерство внутренних дел, чтобы получить назначение. Повсюду царила неразбериха, которая бывает при создании или ликвидации новых организаций. Создавалось грандиозное суперминистерство, состоящее из министерств внутренних дел СССР и России, а также Комитета государственной безопасности СССР. Во главе этого монстра был поставлен Виктор Баранников, бывший министр внутренних дел Российской Федерации. Однако все знали, что Конституционный суд готовится рассмотреть вопрос законности создания подобной структуры.

В этой неразберихе Эльдару Сафарову удалось найти одного из помощников Баранникова, который рискнул позвонить своему шефу. Правда, его попросил об этом генерал Сергеев, который был другом Сафарова. Баранников вспомнил молодого человека, с которым был знаком по Баку, и разрешил срочно оформлять его на работу в следственное управление городской милиции. Сергеев сразу предложил должность заместителя начальника управления и напомнил, что ранее Эльдар работал в прокуратуре. По представлению самого Сергеева было решено присвоить Сафарову звание подполковника милиции. Это было невероятно, почти невысказуемо, но все вопросы были решены практически в один день. Сказывались революционная ситуация, при которой новые назначения и должности раздавались достаточно быстро, и личное знакомство с генералом Баранниковым, при котором все вопросы решались еще быстрее.

Сергеев сообщил, что на следующей неделе будут оформляться все документы, но приказ будет отдан с сегодняшнего дня, и Сафаров может уже в понедельник выходить на работу. В субботу утром Эльдар поехал на Петровку, чтобы заранее познакомиться со своим будущим начальником. Руководителем следственного управления был полковник Александр Андреевич Тарасов. Он работал следователем больше двадцати пяти лет, начав работать еще в конце шестидесятых. Ему шел сорок восьмой год. Это был спокойный, выдержанный офицер, никогда не повышавший голоса на своих подчиненных. Среднего роста, широкоплечий, крепкий, массивный, он спокойно выслушал доклад своего нового заместителя, пожал ему руку и предложил садиться.

– Значит, вы работали сначала в вашем партийном аппарате, потом у нас в ЦК, а потом перешли в администрацию президента? – уточнил Тарасов.

– Так точно, – ответил Эльдар, – я подробно описал все это в своей автобиографии. Но до этого я работал в прокуратуре.

– Вы сделали блестящую карьеру, – заметил Тарасов. – И теперь вы снова возвращаетесь к следственной работе... Не обидно?

– Я ведь юрист по профессии, – напомнил Сафаров, – и никогда не хотел делать партийную карьеру. Так получилось. Сначала меня взяли в партаппарат в Баку, потом перевели сюда. Требовались юристы для работы в аппарате, поэтому меня и взяли.

– У нас здесь немного другие порядки, чем в бывших партийных органах, – предупредил Тарасов. – Думаю, вы должны это понимать.

– Я работал с органами милиции почти два года, – сказал Эльдар, поднимаясь. – Давайте сразу договоримся, товарищ полковник. Если я вас не устраиваю или вы не хотите меня брать, скажите об этом прямо сейчас. Честно и прямо. Я развернусь и уйду – и больше никогда сюда не вернусь. Это не поза; просто если мне все время будут напоминать о том, где я работал раньше, то мы не сможем с вами работать.

Тарасов усмехнулся, искоса глянул на стоявшего перед ним молодого человека и неожиданно перешел на «ты».

– Сколько тебе лет? – спросил он. – Тридцать три? Значит, я старше тебя на пятнадцать лет. Садись, и не нужно сразу так бурно реагировать. Я понимаю, что тебе тяжело. После обще-

ния с министрами и секретарями ты будешь копать в обычном дерьме... Но ты сам попросился обратно на следственную работу.

Эльдар все еще стоял.

– Садись, – снова повторил Тарасов, – и давай договоримся вот о чем. Я никогда не говорю ничего за глаза. Если недоволен – скажу об этом сразу и прямо. Если доволен, тоже скажу. Я здесь уже почти двадцать пять лет. Большой срок, как ты считаешь? Когда я сюда пришел, ты был еще мальчиком, который учился в школе. Поэтому не кипятись. Мы еще посмотрим, какой ты следователь на самом деле. Хотя, если судить по твоему послужному списку, неплохой – если сумел так отличиться. Поэтому давай без срывов. У нас работа такая, что истеричные барышни нам не нужны. Все понял?

– Понял, – улыбнулся Сафаров.

– Вот и молодец. А сейчас пойдем, я буду знакомить тебя с нашими ребятами. И учти, что в первое время тебе нужно быть особенно выдержанным. Будут и шутки, и подколки; будут и недовольные, которым светило твое место. Они здесь по десять лет работают, а тебя вдруг присылают к нам на такую должность... Говорят, что ты дружишь с генералом Сергеевым и даже с самим Виктором Павловичем Баранниковым. Это правда?

– С Сергеевым действительно дружу, – подтвердил Эльдар, – а Баранникова знаю по работе в Баку. Он тогда был у нас заместителем министра внутренних дел.

– Значит, ты у нас в полном порядке. Говорят, что именно Баранников и станет нашим новым руководителем, – сообщил Тарасов. – Но ты на свои связи с генералами не очень рассчитывай. Если будешь бегать и жаловаться, лучше сразу уходи. Следователи – это высшая каста, работа у нас интеллигентная. Сам понимаешь, что мы не уголовный розыск и не госавтоинспекция. У нас нужно все правильно оформить и вовремя сдать прокурору, чтобы получить его «добро» на передачу дела в суд. Поэтому ребята у нас толковые. Парочка паршивцев, правда, тоже имеется, но мы от них постепенно избавляемся.

– Жаловаться не буду, – пообещал Сафаров. – Я вам уже сказал, что раньше работал в прокуратуре и все правила знаю.

– Ну, вот и хорошо, – кивнул Тарасов. – А теперь пошли по кабинетам. Буду знакомить тебя с нашими орлами. И учти, что хотя сегодня и суббота, но почти все наши сотрудники на работе. У нас преступность выросла почти в четыре раза по сравнению с прошлым годом. И я думаю, что это не предел. А ты как считаешь?

– Думаю, что будет расти. В стране полно неучтенного оружия, все республики объявили о своем суверенитете, у всех свои собственные министерства внутренних дел, и все границы пока открыты. А тут еще и деньги обесценились. В таких условиях очень легко прогнозировать рост дальнейшей преступности.

– Молодец, – похвалил его Тарасов, – толковый ответ. Только учти, что такие ответы очень не нравятся нашему начальству... Ладно, пошли знакомиться. Заодно покажу тебе твой будущий кабинет. Он маленький, но очень удобный. Раньше там работал мой прежний заместитель Семен Угодников, а сейчас будешь сидеть ты. По штату мне положено два заместителя. Вот ты и будешь моим замом вместо Угодникова. А другой зам – полковник Саранчев. Он сейчас в Санкт-Петербурге, вернется в понедельник.

Они вышли из кабинета Тарасова.

– А почему ушел Угодников? – поинтересовался Эльдар. – Уволился или его куда-то перевели?

– Его убили, – мрачно сообщил Тарасов. – Ты ведь должен знать, что наших сотрудников часто посылают в разные горячие точки, особенно в последнее время. Вот его и послали в такую точку на Кавказе... Ему было только тридцать девять лет. Двое пацанов у него осталось...

– Где его убили?

– В Северной Осетии. Он расследовал там дело о поставках в Москву крупной партии паленой алкогольной продукции. Видимо, докопался до истинных организаторов этих подпольных заводов. И доложил обо всем в обком... На следующий день его и убили. Это случилось летом прошлого года, когда у нас еще обкомы были. В июле девяносто первого...

Дальше пошло знакомство с каждым из сотрудников Тарасова. Их было около тридцати человек. Среди них оказались две женщины. Одной, Наталье Мокряковой, было около сорока; другой, Шалиме Каюровой, – чуть больше тридцати. Первая была невысокого роста, плотная, коротконогая, с собранными волосами; она встретила их недовольным, строгим взглядом. Вторая была высокая и некрасивая перекрашенная блондинка с вытянутым лицом и острым подбородком, которая улыбнулась при появлении Тарасова.

– Шалима у нас новенькая, только полгода, – прокомментировал Тарасов, – ее перевели к нам из районного управления.

Среди мужчин он особо отметил Геннадия Пьявко и Азиза Аванесова, которых назвал лучшими следователями управления. Первому было тридцать пять, и он работал в управлении только четыре года. Второму – чуть больше тридцати; он был ровесником Сафарова, но выглядел гораздо старше своих лет, рано полысев. Очки придавали ему строгий и гораздо более зрелый вид. Он работал в управлении уже около десяти лет.

Эльдару выдали новое удостоверение, и в воскресенье он приехал на работу. В коридорах почти никого не было. Сафаров прошел в небольшой кабинет, который отныне должен был стать его местом работы, и устроился на стуле, доставая и перебирая бумаги, оставшиеся от прежнего хозяина. Выдвинув полки, он нашел под одной из них лист бумаги с нарисованным мужчиной в фуражке и форме. Под рисунком стояла подпись: «Папа, мы тебя любим». Очевидно, этот рисунок сделали дети погибшего Угодникова. Эльдар, нахмурившись, отложил рисунок, решив, что поговорит с Тарасовым. Возвращать такой рисунок супруге погибшего просто нельзя – ей будет очень больно, – но и оставлять у себя тоже неправильно.

Он еще просматривал бумаги, когда к нему зашел Тарасов.

– Не терпится работать? – добродушно спросил полковник.

– Вы тоже в воскресенье пришли на работу, – заметил Сафаров.

– Я начальник, мне положено за все отвечать. Нужно еще два дела завтра утром сдавать, а утром у нас будет большое совещание часов на пять или шесть. Поэтому я должен просмотреть все документы уже сегодня, – пояснил Тарасов.

– Я здесь нашел одну бумагу, под полкой в столе, – вспомнил Эльдар, протягивая полковнику листок с рисунком детей погибшего офицера. Тот взял бумагу, нахмурился, посмотрел на Сафарова.

– Хорошо, что ты отдал его мне, – негромко произнес он. – Это рисунок его младшего сына. Он хорошо рисует. Старшему уже шестнадцать, он школу оканчивает в следующем году, а младшему пока только девять. Жена его, конечно, пенсию получает, но что можно купить сейчас на пенсию погибшего сотрудника милиции? Десять килограммов картошки и пару коробков спичек... Хорошо, что она работает врачом, хоть там что-то получает... Хотя им все равно трудно.

Он еще раз посмотрел на рисунок, тяжело вздохнул и вышел из кабинета.

На следующий день Эльдар приехал к девяти часам утра. Совещание у руководителя ГУВД началось ровно в десять, и Тарасов ушел туда, успев только собрать всех следователей у себя в приемной и представить им своего нового заместителя.

В понедельник вернулся и первый заместитель – полковник Саранчев. Это был высокий мужчина с приятной внешностью, зачесанными назад волосами, крупными зубами, постоянно шутивший и сам первый громко смеявшийся над собственными шутками. Саранчеву шел сорок первый год, он считался реальным кандидатом на должность Тарасова.

Полковник весело предложил Сафарову обмыть его назначение.

– Мне еще не присвоили звания, – пожал плечами Эльдар.

– Хочешь зажать назначение? Так у нас не полагается. Вечером поедem куда-нибудь вместе. Возьмем нашего строгого полковника Алана и еще несколько ребят. Я знаю хорошие места, где еще можно спокойно посидеть.

– А почему вы зовете его Аланом?

– Александр Андреевич, – улыбнулся Саранчев, – или АлАн. Так удобнее и проще. Как тебя по отчеству?

– Эльдар Кулиевич.

– Элкул, – сразу сказал Саранчев. – Нет, не очень звучит... Может, лучше назовем тебя Элсафом, по имени и фамилии? Нужно подумать. Кличка – вещь серьезная, дается не на один год... – Он расхохотался.

– А вас тогда как называют? – спросил Эльдар.

– Давай сразу договоримся: переходим на «ты». Никаких «вы» здесь говорить не полагается. Только Тарасову, который по возрасту годится тебе в отцы. Так что давай «тыкай». А меня называют Шуриком. Хотя на самом деле я Евгений Константинович. Но Евка не прижилось, а Шурик остался. В молодости я был похож на молодого актера Демьяненко, только без очков. А сейчас располнел и стал похож уже на его папу... – И он снова расхохотался.

Они вышли в коридор, и Эльдар увидел идущего к ним Тарасова, рядом с которым вышагивал одетый в форменный мундир генерал. Что-то знакомое мелькнуло в его лице. Тот тоже заметил Сафарова, остановился. Эльдар вежливо поздоровался, Саранчев весело кивнул. Было ясно, что он хорошо его знает. Сафаров вспомнил, что видел этого генерала, а тот, в свою очередь, вспомнил Эльдара.

– А этот тип что здесь делает? – громко спросил он у Тарасова, кивая на бакинца.

– Это мой новый заместитель, – пояснил полковник, – Эльдар Кулиевич Сафаров.

– Я знаю, как его зовут, – поморщился генерал, – кто разрешил? Сделали из милиции прибежище бывших партократов... Или он скрыл от вас, что раньше работал в ЦК КПСС?

Саранчев изумленно взглянул на молча стоявшего Сафарова. Эльдар почувствовал, как кровь приливает к голове.

– Ничего он не скрыл, – возразил Тарасов, – в его личном деле все написано. И в своей автобиографии он тоже все указал. Он ведь раньше работал в прокуратуре, был следователем, профессиональный юрист. Вот мы и приняли решение взять его к нам.

– И сразу заместителем начальника управления? – разозлился генерал. – Это настоящий бардак! Поэтому у нас никогда порядка и не будет... Я его знаю. Этого человека и на пушечный выстрел нельзя подпускать к милиции. Он всю жизнь ненавидел всех наших сотрудников! – Он говорил громко, чтобы его услышали не только Сафаров или Саранчев, но и остальные следователи, которые начали выглядывать в коридор.

– Решение о его назначении принимал не я, – сказал Тарасов. Было заметно, что ему не нравится эта публичная дискуссия в коридоре.

– Я сам замолвлю словцо, чтобы этого типчика убрали, – заявил генерал. – А ты, Сафаров, и не думай, что сможешь здесь остаться. У тебя нет ни одного шанса. Уже сегодня вечером тебя отсюда уберут; это я тебе гарантирую, партийный стукач...

«Георгий Николаевич Ванилин, – вспомнил Эльдар, – конечно, это тот самый генерал. И даже не стесняется и ничего не боится. Теперь ничего не боится... Раньше он не осмеливался даже разговаривать в присутствии инструктора ЦК, который курировал милицию, а сейчас осмелел. Это ведь он прикрывал своего родственника, банкира Эпштейна, с его махинациями в банке «Эллада»...»

Эпштейн организовал убийство своего родственника, Вячеслава Томина, с которым они были женаты на родных сестрах. Томин случайно узнал о махинациях в банке и проговорился, после чего фактически подписал себе смертный приговор... Эльдар лично занимался

этим делом – ведь погибший был братом Светланы Скороходовой, с которой он тогда познакомился. А Ванилин все время мешал, сумев дважды вытащить своего родственника из тюрьмы и дважды закрывая уголовное дело, возбужденное против руководства банка «Эллада». Тогда Ванилин еще был заместителем министра внутренних дел РФ. Сейчас он стал заместителем командующего внутренними войсками. И, конечно, не мог простить Эльдару его личное вмешательство в расследование тех дел. Сафаров был убежден, что Ванилиным двигали не родственные чувства – хоть банкир и убитый были мужьями его сестер, – а корыстные мотивы, которые тогда так и не удалось доказать. Прокурора, расследующего это дело, отправили в Херсон, и само дело было развалено.

– Господин генерал, – сдерживаясь, ответил Эльдар, – прошу меня не оскорблять.

– Он еще возмущается... – покачал головой Ванилин. – Ладно, посмотрим. Я тебе еще устрою вылет из этого здания. Кто подписал приказ о его назначении? Наверное, кому-то сунули деньги, и он подмахнул бумагу, даже не почитав биографии этого типа...

– Подполковник Сафаров прибыл к нам по личному распоряжению нового министра Баранникова, – сообщил Тарасов с невозмутимым выражением лица.

Ванилин нахмурился. Он хотел что-то добавить, но решил промолчать. Фамилия Баранникова произвела магическое действие. Поэтому генерал просто повернулся и пошел дальше по коридору в сопровождении Тарасова. Когда они завернули за угол, Саранчев обернулся к Эльдару:

– Нажил себе личного врага... Ты еще не в курсе, какой злопамятный наш Жора. Об этом у нас все знают – еще когда он был заместителем министра и курировал следствие... Как тебя угораздило на него нарваться?

– Так получилось.

– Будь осторожен, – посоветовал Саранчев. – А твой приказ действительно подписал сам Баранников?

– Да. Мы с ним знакомы, он работал в Баку...

– Тогда можешь ходить гоголем. Тебя никто даже пальцем тронуть не посмеет. Баранников сейчас у нас самый главный человек. Он подмял под себя сразу несколько министерств и теперь будет нашим главным силовиком. А этот Ванилин ничего с тобой не сделает, просто побоится.

Через двадцать минут вернулся Тарасов, который сразу позвал Эльдара в свой кабинет. Когда тот вошел, полковник показал ему на стул.

– Садись. Что у тебя с Ванилиным произошло? Только откровенно, чтобы я знал все обстоятельства дела.

Эльдар рассказал всю историю с убийством Томина и хищениями в банке «Эллада». Тарасов молча слушал, смоля одну сигарету за другой.

– Это все? – спросил он, когда Сафаров замолчал.

– Да, – кивнул Эльдар. – Я не думал, что снова с ним встречу...

– Он у нас теперь стал заместителем командующего внутренними войсками, – сообщил Тарасов. – Должен тебе сказать, что я давно знаю Жору Ванилина – еще до того, как он уехал работать в Молдавию. Насколько мне известно, там он тоже оставил по себе недобрую память. Профессионал он неплохой, а вот человек не очень хороший. Ты всегда должен это помнить. А вообще я тебя поздравляю. Считаю, что прошел боевое крещение. Если такой человек, как Ванилин, тебя не любит, – значит, ты у нас приживешься. Он со мной тоже много скандалил, прежде чем привык к моей манере работы и понял, что давить на меня невозможно.

Эльдар вышел из кабинета Тарасова с гораздо лучшим настроением. Вернувшись к себе, сел за стол и глянул на телефон...

Он никак не мог забыть о Светлане Скороходовой, с которой познакомился ровно год назад. Они иногда перезванивались, иногда встречались, пока перед самым Новым годом она

сама не приехала к нему домой. Это были самые волнующие минуты в его жизни... Она уехала, попросив его больше ей не звонить. И он ждал много дней, не решаясь набрать ее номер. Сегодняшнее неожиданное появление Ванилина словно разрушило их прежние договоренности. Эльдар подумал, что ведет себя не совсем правильно, выполняя пожелание женщины, для которой эта встреча была определенным испытанием. Женщинам вообще трудно бывает переступить барьер, отделяющий первого мужчину от второго. В случае с замужними женщинами это табу становится почти непреодолимым. Нужна очень большая сила воли и желание, чтобы его преодолеть, тем более в первый раз. Она была старше его на семь лет. Он снова посмотрел на телефон и, подняв трубку, решительно набрал ее номер.

– Слушаю вас. – Эльдар узнал ее голос и, внезапно испугавшись, положил трубку обратно. Он почувствовал, как сердце забилося сильнее, словно от испуга. Улыбнулся. Надо же, волнуется как мальчик... Он снова набрал ее номер – и снова услышал знакомый голос.

– Я слушаю вас.

– Добрый день, – заставил себя сказать Эльдар.

– Здравствуйте, – произнесла Светлана с некоторой запинкой, но было очевидно, что она тоже узнала его голос.

– Я решил вам позвонить, хотя вы и не разрешали, – быстро произнес он.

– Слышу, – сказала она, – и уже понимаю, что вы не захотели меня послушать.

– Скорее не смог, – признался Сафаров.

– Я должна воспринимать это как комплимент?

– Полагаю, что да. Меня нужно простить за мой телефонный звонок. Я подумал, что должен услышать ваш голос.

– Считайте, что вы прощены. Но больше не звоните. Иначе... иначе я снова сорвусь и начну делать глупости. А мне этого не хочется.

– Мне хотелось услышать ваш голос, – снова повторил Эльдар.

– Спасибо. Вы уже устроились на работу?

– Да. Следователем в Главное управление внутренних дел. Должен получить подполковника.

– Я вас поздравляю. Значит у вас все в порядке?

– Можно сказать и так. Когда я могу вас увидеть?

– Не нужно об этом, – попросила она, – вы уже слышали мой голос. Давайте закончим наш разговор. Мне тоже было приятно вас слышать. А еще приятнее – узнать, что у вас все путем... Кажется, меня зовут. Сын приехал на каникулы... До свидания.

– До свидания...

Эльдар положил трубку. Конечно, он ведет себя неправильно. У него дома живет Юлия, которая почти наверняка уверена, что рано или поздно он сделает ей предложение. А Скороходова – замужняя женщина, имеющая взрослого сына... Он просто обязан перестать ей звонить, перестать с ней общаться. Но это выше его сил. Сафаров снова посмотрел на телефон. Ему так хочется перезвонить ей и снова услышать ее голос, увидеть ее, дотронуться до нее... Юлия ему просто нравится, с ней приятно и удобно. А Светлана... это нечто другое. Это женщина, без встреч с которой он просто не мыслит свое дальнейшее существование.

...Эльдар даже не мог предположить, какая трагедия ждет его впереди, хотя смутные предчувствия чего-то неприятного зародились у него именно в этот день...

Ремарка

За годы перестройки преступность только в России выросла в два раза. В 1991 году на территории России было зафиксировано 2 миллиона 173 тысячи преступлений. Это на десять процентов больше, чем в прошлом году, и в два раза больше, чем в начале перестройки. Об этом было заявлено на состоявшемся брифинге в пресс-центре МВД России. На работников милиции

в течение прошлого, девяносто первого года было совершено 1166 нападений, в результате чего 566 сотрудников милиции ранено, а более трехсот убито.

Сообщение РИА «Новости»

Ремарка

По сравнению с прошлым годом резко выросла общая криминальная преступность в Москве. По некоторым видам преступлений зафиксирован более чем трехсотпроцентный рост. Увеличилось число краж, разбойных нападений и грабежей. Участились случаи нападения на сотрудников милиции. Только в четвертом квартале прошлого года было восемнадцать подобных случаев, в результате которых четверо сотрудников милиции погибли. Московские милиционеры погибали и в других горячих точках бывшего Союза, в том числе на Кавказе и в Средней Азии.

Сообщение Постфактум

Ремарка

Несмотря на некоторую индексацию заработной платы работников правоохранительных органов, в настоящее время средняя зарплата по Главному управлению внутренних дел города Москвы составляет не более четырнадцати-пятнадцати долларов в пересчете на иностранную валюту, что не может не вызывать определенного беспокойства у руководителей данных структур.

Сообщение Интерфакс

Глава 4

В этот день спикер российского парламента Руслан Хасбулатов принимал делегацию итальянских сенаторов, среди которых были и члены бывшей Коммунистической партии Италии. Хасбулатов коротко рассказал гостям о положении в России и в конце встречи сделал сенсационное заявление, которое затем передали все ведущие телевизионные каналы мира, перепечатали многие ведущие газеты и журналы. Руслан Имранович сказал, что «уже сейчас складывается такая ситуация, при которой можно предложить президенту сменить практически недееспособное правительство». Это произошло в день Старого Нового года, тринадцатого января, когда первые результаты экономической реформы Гайдара начали отражаться, как в кривом зеркале, в магазинах страны. Неожиданно на прилавках возникли дефицитные продукты, которых раньше не было. Но теперь они стоили настолько дорого, что купить их могли очень немногие.

Хасбулатов не скрывал, что недоволен выбором Ельцина, который сформировал правительство без согласования с Верховным Советом. После того как Ельцин подписал соглашение в Беловежской Пуще, забрав с собой туда Бурбулиса и Гайдара, все поняли, что он подчеркнул этим близость новой команды к президенту страны. Это не могло не вызвать раздражения у Руцкого и Хасбулатова. Более того, каждый из них считал, что именно он является вторым человеком в государстве – а их даже не пригласили на историческое подписание документов в Беловежской Пуще, где вместе с Ельциным их подписывал Бурбулис.

Однако сводить все разногласия к личной обиде двух политиков на Ельцина было бы неверно. Конечно, личные амбиции и обида сыграли не последнюю роль в данном процессе, но это были не самые главные причины разногласий. С Руцким вообще произошла удивительная метаморфоза. Ельцин и его команда решили, что именно этот бравый полковник будет идеальным «вторым номером» для президентских выборов девяносто первого года. Ельцин собирался не просто победить, ему нужна была убедительная и триумфальная победа уже в первом туре. А Руцкой мог помочь оттянуть голоса левой части электората. Хотя, как впоследствии писал Ельцин, выбор любого кандидата в вице-президенты ничего кардинально не изменил бы, настолько высоким был рейтинг самого Бориса Николаевича. Однако Руцкой все-таки оттянул часть голосов и стал вице-президентом Российской Федерации.

С самого начала было понятно, что это разные люди – и по своим убеждениям, и по жизненному опыту, и по идеологическим принципам. Руцкой проявил себя как достаточно смелый человек в августе девяносто первого года и лично полетел освобождать Горбачева. Президент СССР именно тогда сделал его генералом. Но Руцкой, прошедший афганскую войну, не мог и не хотел желать развала Советского Союза. Именно поэтому он так болезненно воспринял Беловежские соглашения и тем более участие в них команды, которую он не считал легитимной. Бурбулис стал вторым номером российской политики, вызывая дикое раздражение не только у Руцкого, но и у остальных руководителей, окружавших Ельцина, – спикера парламента Хасбулатова, главы Администрации Президента России Петрова, секретаря Совета безопасности Скокова. Каждый из них справедливо считал, что, занимая такие высокие и ответственные посты, они имеют право на входение в близкий круг Ельцина. Однако в первые месяцы девяносто второго года Борис Николаевич демонстративно поддержал правительство Гайдара, а Бурбулис стал считаться почти «альтер эго» самого президента.

Руцкой не мог и не хотел соглашаться с подобным положением дел. Он все еще пытался доказать свою полезность, стать настоящим «вторым номером», не понимая, что все первые десять номеров при таком человеке, как Ельцин, может занимать только сам Ельцин. Это вообще проблема советской психологии, доставшаяся еще с тридцатых годов. По легенде, которая так и не нашла своего подтверждения, на семнадцатом съезде ВКП (б) делегаты решили

заменить Сталина на Кирова. Якобы именно поэтому последний вскоре был убит, а почти все делегаты съезда оказались репрессированы в конце тридцатых. На самом деле смерть Кирова, конечно, не была мстью Сталина, который ценил и любил его еще по работе в Закавказье. И уж тем более Сталин не был тем человеком, который мог руководствоваться личными мотивами, истребляя делегатов съезда. Шла ожесточенная борьба между различными течениями в партии, и Сталин со своей группой оказались победителями, безжалостно раздавившими проигравших, в числе которых были и основатели советского государства, ближайшие сподвижники Ленина – Троцкий, Каменев, Зиновьев, Рыков, Бухарин, Томский, Радек и остальные. Почти каждый из них, особенно Троцкий, могли претендовать на роль наследника Ленина и вождя партии, но победил Сталин, при котором не было «вторых номеров». Никто даже не посмел бы назвать себя вторым номером при Сталине – даже Молотов, который формально мог считаться таковым и в партии, и в государстве.

Ситуация повторится в конце сороковых, когда Сталин неосторожно сообщит, что в партии вместо него может остаться бывший секретарь Ленинградского горкома Кузнецов, а в правительстве – Вознесенский. Словосочетание «неосторожно» в отношении к такому политику, как Сталин, звучит достаточно наивно. Он продумывал каждый свой ход и ничего не делал случайно или неосторожно. Обоих наследников, которые гипотетически могли стать «вторыми номерами», ликвидируют, и его преемником станет человек, которого каждый из членов Политбюро немного презирал, считая почти шутом. Молотов, Каганович, Маленков, Берия, Булганин, даже Жуков уступят Хрущеву, в котором каждый из них так и не увидел настоящего лидера.

Еще раз история повторится в шестидесятые годы, когда из членов Президиума на должность руководителя партии будет выбран Леонид Брежнев, не считавшийся лидером, какими были многие из его коллег.

Уже в новые времена со «вторыми номерами» руководителям страны явно не везло. Против Горбачева выступили все его заместители. Вице-президент Янаев, премьер Павлов, спикер Лукьянов... «Вторым номером» в этом списке формально считался Янаев. Затем произошло повторение пройденного, когда против Ельцина выступили вице-президент Руцкой и спикер Хасбулатов. Ельцин извлек урок и решил вообще отказаться от должности вице-президента, как ненужной и вредной в российских условиях. Собственно, подобную должность не вводили и в новых государствах, возникших на обломках СССР. Но вот парадоксальный факт, который не могли не заметить аналитики: практически во всех республиках руководители правительств, формально являющиеся «вторыми номерами» при своих президентах, оказались в тюрьмах. Из двенадцати республик подобное произошло в одиннадцати, что указывает не на случайные совпадения, а на регулярно повторяющуюся закономерность. Очевидно, что в этих случаях речь шла не только о политических разногласиях, но и об экономических проблемах, при которых «вторые номера» оказывались в жестком противостоянии со своими руководителями.

Уже в двадцать первом веке все надлежащие выводы из этих ошибок сделает Владимир Путин. Он подберет на должность «местоблюстителя» своего помощника, которому позволит «поручить» только один срок – при достаточно жестком контроле со стороны самого Путина, являющегося лидером правящей партии и премьер-министром страны, – с тем, чтобы самому вернуться на вершину власти еще раз и на достаточно долгую перспективу, которая в общей сложности может составить четверть века.

...Руцкой чувствовал себя обманутым и отстраненным. Ему демонстративно не поручали никаких проблем, не подпускали к решению сложных политических задач. Более того, практически все экономические реформы проводились без его участия. Бурбулис демонстративно не обсуждал при нем никаких вопросов. Рано или поздно должен был произойти разрыв, и он начался еще в конце девяносто первого года, усугубился в начале девяносто второго, а затем вылился в открытое противостояние к осени девяносто третьего.

Ельцин сделает то, на что не решились пойти члены ГКЧП. Он вызовет танки, которые прямой наводкой расстреляют парламент на глазах у всего мира. Вице-президент и спикер будут арестованы, но новая Государственная дума вынесет решение об их амнистии. Оба политика выйдут на свободу, но их судьба сложится по-разному. Хасбулатов навсегда уйдет с политической арены, предпочитая заниматься наукой, а Руцкой снова вернется в политику, даже станет губернатором Курской области. Но затем под надуманным предлогом его отстранят от выборов, и он уйдет в политическое небытие, так и не простив бывшему патрону своего поражения в октябре девяносто третьего года.

По большому счету, ни Хасбулатов, ни Руцкой не могли быть настоящими оппонентами Бориса Ельцина. У этого человека вообще не могло быть настоящих оппонентов или соперников. Он был на голову выше всех остальных. Его потрясающая энергетика, харизма, жажда власти, целеустремленность, сила воли были на порядок выше, чем у всех остальных политиков.

Но истинное величие невозможно рассмотреть при близком общении. Хасбулатов и Руцкой допустили главную ошибку в своей жизни. Им показалось, что они могут бросить вызов и победить такого человека, как Борис Ельцин. Ни один из них даже в страшном сне не мог себе представить, что для противодействия парламенту российский президент введет в столицу войска и разрешит штурм здания Белого дома. Августовские события, когда танки были вызваны только для устрашения и исполняли в основном бутафорскую роль, сыграли с ними злую шутку. Они не учли, что Ельцин в отличие от членов ГКЧП обладал гораздо большей волей и был готов идти на любые жертвы во имя сохранения этой власти.

...Но это еще только будет. Сейчас же согласно российской Конституции Верховный Совет все еще обладает огромными полномочиями, и Хасбулатов этим демонстративно пользуется. Он не просто позволяет себе критику в адрес российского правительства – иногда он срывается на откровенные оскорбления в адрес молодых членов гайдаровской команды. Однажды, после его очередного ернического замечания, не выдержавший подобного обращения Бурбулис резко поднимется с кресла и так же резко махнет рукой, призывая членов правительства выйти вместе с ним. Все так и сделают. Этот кадр будет растиражирован по всему миру – жест Бурбулиса, когда он энергично призывает членов правительства покинуть зал парламента. Увидит эти кадры и Ельцин. Позже он напишет, что Бурбулис вел себя достаточно неадекватно, позволяя себе подчеркивать свою близость к президенту и свое ведущее место в правительстве, когда даже появлялся на телеэкранах вместо приглашенного Гайдара или кого-то из членов правительства. Он отметит и особую любовь Бурбулиса к внешним атрибутам власти – кабинетам, представительским машинам, личной охране. Конечно, все эти детали не были главными в их отношениях. Ельцин увидел этот энергичный жест Бурбулиса и сразу все понял. Геннадий Эдуардович становился не просто главным человеком в правительстве, а фактически главой этого правительства, за которым покорно шли члены кабинета министров. Этому Ельцин не мог допустить ни при каких обстоятельствах. Уже через некоторое время он уберет Бурбулиса из правительства, а чуть позже предложит ему сделать паузу в государственной службе, вообще ликвидировав должность государственного секретаря.

Однако он запомнит и хамские высказывания Хасбулатова, и его нападки на гайдаровское правительство. Было понятно, что это нападки не только на Гайдара и его команду, а на самого президента, который своим авторитетом пытался защитить проводимые реформы. И подобного Ельцин также не намерен прощать. Противостояние нарастает с каждым днем, но Хасбулатов был уверен в своей моральной правоте. Более того, Ельцин, понимая, как болезненно и трудно проходят реформы, часто идет на необходимый компромисс, постепенно избавляясь от наиболее некомпетентных и неподготовленных министров. Гайдар возражает, он оскорблен подобным отношением, но Ельцин интуитивно чувствует, что ему просто необходимо иногда идти на некоторые уступки, позволяя избавляться от этих министров.

В своей книге Ельцин назовет имена первых министров, отставки которых требовали не только все депутатские фракции. Он честно признается, что и сам был не особенно доволен работой этих членов правительства. И среди них были Лопухин, Воробьев, Днепроv, Авен. Но Гайдар, как порядочный человек, не может и не хочет сдавать членов своей команды. Когда встает вопрос об отставке некоторых министров, он появляется на съезде и подает коллективное заявление об отставке правительства. Это произойдет впервые в истории новой России, и депутаты еще не готовы к подобным метаморфозам. Отставка принята не будет, а президент даже получит дополнительные полномочия по руководству кабинетом министров. Но сам Ельцин понимает, что изменения необходимы, и уже через месяц снимает с работы министра топлива и энергетики Лопухина. Несмотря на все возражения Гайдара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.